

Сентябрь 1861

Римский вопрос. — Слухи об уступках со стороны Вены венграм. — Северо-американские дела.

Ничего нового не случилось в Западной Европе за прошлый месяц, и мы начинаем поэтому склоняться к мнению многих наших передовых людей, полагающих, что силы вышесказанной Европы истощены.

Например, в Италии тянется то же прежнее дело о Риме и Неаполе. Когда французы выйдут из Рима? Каждую неделю слышится все тот же ответ: «скоро», и недели идут за неделями, так что уже очень сильно наскучил этот ответ. Особенно недовольны им неаполитанцы, страна которых не может удовлетвориться ничем, кроме перенесения столицы Итальянского королевства в Рим. Прогрессивная партия, пользуясь этим состоянием умов, начинает агитировать в Неаполе мысль о том, не пора ли двинуть на Рим отряды волонтеров, чтобы французы поскорее приобрели убеждение в «зрелости римского вопроса», — французы ведь только затем и остаются в Риме, чтобы «вопрос о нем созрел», и обещаются отдать его итальянцам, как только вопрос «созреет» или, по другому французскому выражению, как только «настанет исторический момент» для их выступления из Рима. Итальянцы постепенно убеждаются, что под «зрелостью» или «историческим моментом» французы тут понимают невозможность оставаться в Риме иначе, как сражаясь с итальянцами, сражаться с которыми французы не решатся. Прогрессивная партия с самого начала говорила это, и теперь ее влияние на умы в Южной Италии усиливается. Неаполитанский наместник, Чальдини, человек простой и честный, тотчас же по своем приезде в Неаполь увидел, что все живые силы неаполитанского края находятся в распоряжении прогрессистов и что для успешного управления страной необходима их помощь. Не пугаясь страшных толков о злонамеренности гарибальдийцев или маццинистов, он стал раздавать места людям, пользующимся влиянием на массу. Это он делал в очень небольшом размере, боясь туринского правитель-

ства, но польза всё-таки произошла очень большая. Неаполь начал быстро успокаиваться; один округ за другим стал под руководством прогрессивистов очищаться от разбойнических шаек, опустошавших всю Южную Италию при прежних вялых и непопулярных администраторах, и сам Чальдини заслужил всеобщее доверие. Соединение Южной Италии с Северной, подвергавшееся до приезда Чальдини очень сомнительному колебанию, теперь упрочилось, — чего же лучше для туринского правительства? Но оно не довольно действиями Чальдини, и чтобы читатель имел об этом свидетельство, которого нельзя заподозрить, мы приведем отрывок из неаполитанских корреспонденций «Times'a, вовсе не отличающейся расположением к маццинистам или гарибальдийцам:

«В начале августа центральное правительство показало нам новый и весьма замечательный образчик своей завистливо-боязливой политики. Публике происшествие это уже известно; но так как я слышал о нем от одного из главных лиц, причастных к делу, то рассказ мой, может быть, покажется читателю не лишенным занимательности. 3-го августа в Неаполе, как известно, распространился панический страх. На следующий день Чальдини призвал к себе барона Никотеру и, сообщив ему свои предположения о вероятности близкой высадки на пространстве между Паузилиппо и Музеумом, принятом им за оборонительную линию города, спросил его, возьмет ли он на себя оборону остальной части столицы, включающей Форию, старый Неаполь и Марину.

Так как оборона эта требовала содействия простого народа, то и возник вопрос: как взглянет на это центральное правительство? Чтобы обойти затруднение, представлявшееся с этой стороны, решено было всех желающих сражаться включить в ряды подвижной гвардии. Вслед за тем Никотера и принялся за дело. Генерал Козенц, с которым ему было поручено посоветоваться, сначала не одобрил этой мысли, но, переговорив с Чальдини, и он выразил свое согласие. Поддержанный таким образом, Никотера начал свои действия и в три дня наберёвал 2 300 человек. По его расчету, он на пятый или на шестой день имел бы отряд в 5 000 или 6 000 человек. Но в среду 6-го августа поздно вечером он был потребован к генералу-наместнику и там получил приказание остановить все дальнейшие распоряжения.

Приготовления Никотеры возбудили опасения туринского двора. Там нашли, что эта толпа людей может броситься на Рим, и, таким образом, как мне кажется, без всякой причины ослабили оборонительные средства города в минуту большой опасности. Вот в нескольких словах рассказ о происшествии, которое в свое время вызвало здесь много толков и оставило итальянским журналам материал на целый ряд статей. Это новое доказательство той неблагоприятной трусости и ревнивого недоброжелательства, которые постоянно создают новые препятствия примирению всех партий и, таким образом, обращают дело соединения Италии в неисполнимую мечту. Если разобрать дело, как следует, то выходит, что партия «действия» здесь слишком сильна, чтобы ею можно было пренебречь, и что удержать ее в руках можно только путем примирения и предоставления ей деятельности. Являясь в обществах всех партий и всех сословий, я видел много так называемых акционистов и могу сказать, что в Неаполе, по крайней мере, они проникнуты готовностью самоотвержения, которой, к несчастью для края, вовсе нет в людях, смотрящих на них с негодованием.

Главная цель политических стремлений этой партии заключается, как я уже писал вам, в основании итальянского единства. Она всегда была и, вероятно, всегда будет передовой дружиной всякого движения в этом крае.

Непохожий в этом отношении на своих предшественников, Чальдини удостоил ее своей улыбкой. Эта благоразумная политика даст ему средства управлять теми, которых он не мог бы победить силою».

Очень много шума наделал неблаговоспитанный Чальдини своим резким ответом на предложение главных лиц умеренной партии неаполитанского края. Когда туринский парламент был распущен, неаполитанские члены его из министерских рядов, возвратившись на родину, вздумали дать наместнику урок в деликатной форме. Они прислали ему адрес, в котором предлагали ему содействие, намекая на то, чтобы он отверг содействие Никотеры и других прогрессистов. Чальдини отвечал в таком смысле: «Все неаполитанские правители, пользовавшиеся вашими советами и содействием, становились непопулярны и падали. Потому я рассудил обходиться без вашего сочувствия и пособия». Поднялась страшная буря в рядах умеренной партии против грубого солдата. Отвергнутые советники отправили в Турин требование, чтобы Чальдини был смещен. Министерство само давно хотело бы отставить его. Но он популярен, доверием неаполитанского народа к нему водворяется в Неаполе тишина; сменить его значило бы снова подвергать опасности господство Виктора-Эммануэля над Неаполем. Рикасоли оказался на этот раз благоразумнее, чем бывал в подобных случаях Кавур. Он сумел рассудить, что единство Италии важнее личной неприязни его к прогрессистам, и Чальдини остается пока неаполитанским наместником*. Приготовления неаполитанских прогрессистов к движению на Рим дают несколько новый вид римскому вопросу. Туринское правительство усиливает свои хлопоты в тюльерийском кабинете, чтобы предотвратить столкновение итальянских патриотов с французскими войсками. Французское правительство начинает думать, что может попасть в неприятности, оставляя свои войска в Риме: ведь на самом деле не могут они сражаться с итальянцами. Поэтому последние недели ежедневно стали появляться в Турине и Париже полуофициальные статьи и брошюры об условиях, на которых французы могут очистить Рим. Говорят, что эти публичные объяснения довольно близко соответствуют содержанию переговоров между Рикасоли и императором французов. Главные черты предполагаемого решения таковы: папа сохраняет полицейскую власть над латеранским дворцом с соседними кварталами, но большая половина города и все области отдаются в непосредственное управление итальянского министерства. В своем дворце папа может иметь небольшой отряд телохранителей, составленный отчасти из итальянцев, отчасти из других католиков. На содержание папы дается некоторая часть доходов с прежних его владений, и все католические

* Последние телеграфические депеши говорят, что он все-таки отставлен или скоро будет отставлен.

державы приглашаются увеличить это содержание добровольными пособиями. Можно полагать, что раньше или позже дело устроится на этих основаниях, если устроится оно дипломатическими переговорами, а не развяжется какою-нибудь популярною катастрофою, которая, конечно, уже не оставит папе ни телохранилищ, ни независимой власти над резиденциею.

Начинающееся успокоение Неаполя открывает итальянскому правительству возможность сосредоточить армию в Северной Италии и думать о возобновлении военных действий против Австрии. Но теперь, при министерстве Рикасоли, эта перспектива еще очень далека. Рассчитывают, что итальянское королевство могло бы выставить ныне против австрийцев до 150 тысяч войска, — эта цифра вдвое больше той, на какую можно было рассчитывать месяца три, четыре назад, когда бо́льшая половина войск была нужна для сдерживания общего недовольства для Южной Италии прежними дурными наместниками. Но все-таки 150 тысяч войска еще слишком мало для борьбы с австрийцами, у которых в Венгрии и около Венеции находится до 300 тысяч солдат. А министерство Рикасоли держится кавуровских принципов относительно военной организации. Оно не заботится ни о составлении сильных резервов, ни о формировании волонтеров или милиции. Поэтому австрийские министры остаются довольно спокойны насчет Рикасоли: они уверены, что он сам не в состоянии ничего начать против них. Эту надежду на безвредность туринского правительства объясняется упрямство Шмерлинга в венгерских делах.

Но австрийские немцы начинают понимать, что централизационные принципы Шмерлинга не приведут их ни к чему хорошему. Напрасно официальные венские газеты уверяют австрийскую публику, что Венгрия раскаивается и смиряется; напрасно уверяют они ее, что масса венгерского населения готова с удовольствием принять восстановление произвольной администрации, которую Шмерлинг собирается заменить комитатские собрания, протестующие против его действия; напрасно официальные венские газеты доказывают, что Кроація будет на стороне австрийцев против венгров. Венские немцы видят, что все это не так. Потому с конца августа носят в Вене слухи то об уступках венграм со стороны Шмерлинга, то об отставке самого Шмерлинга и замене его министром, могущим примириться с венграми. Венские газеты, до сих пор безусловно поддерживавшие Шмерлинга, постепенно изменяют свой тон. Вот отрывок из венской корреспонденции «Times'a» об этой начинающейся перемене в мыслях венской публики и об основанных на том слухах:

«В настоящее время вы уже, вероятно, знаете, что здесь с субботы вечера разнесся слух о министерском кризисе. Электрический телеграф, без сомнения, уже сообщил вам эту весть и даже, может быть, придал ей

больше положительности, чем бы следовало. Слух этот получил начало на бирже в субботу после обеда. В воскресенье о нем было упомянуто только в одной или в двух газетах, потому что в этот день все население Вены разъезжается по окрестностям и в городе остаются только те, которые уже вовсе не имеют возможности уехать. Вследствие этого по воскресеньям обычные места сбора новостей пусты и почти все пути к получению достоверных известий закрыты. В понедельник выходит немного газет; те, которые появились, старались опровергнуть этот слух. Есть, однако, причины думать, что он не лишен основания. Вчера уже почти положительно говорили, что г. фон-Шмерлинг подал в отставку и заменен графом Белькреди, ретроградным депутатом, не имеющим значения. Последний пункт крайне невероятен; но об отставке Шмерлинга далеко нельзя этого сказать. Я заметил, что сомнения в долговечности нынешнего министерства стали нынче сильнее у людей всех возможных политических оттенков. Один из значительных членов оппозиционной стороны имперского совета говорил мне сегодня, что, по его мнению, министры держатся еще на своих местах только потому, что их мудроно заменить. Венгрия им не под силу. Необходимость уступок со стороны Вены нынче признана вполне и проповедуется такими лицами, которые уж, конечно, сблизил на эту мысль не вследствие пламенности своих желаний; такими даже, которые до сих пор поносили и ругали венгерцев и с радостью встречали всякую небыллицу, сочиненную на их счет. Но никто не думает, чтобы Шмерлинг согласился на эти уступки. И вот источник предположения о перемене министерства. Очевидно, что мнение это разделяется и такими лицами, которые бы не хотели признаться в этом. Сегодняшний номер «Presse» говорит, что этот слух есть выдумка отчаянных спекуляторов, желающих упадка курса. Но во вчерашнем своем номере тот же журнал, не упоминая об этом слухе, поместил большую руководящую статью, которую нельзя не считать признаком перемены в политическом направлении журнала. Статья эта не только выражает недостаток доверия к судьбе нынешнего министерства, но даже предлагает его приемникам целую программу действий. До сих пор «Presse» усердно защищала февральский патент; теперь же над журналом занялась новая заря. Статья его проникнута сомнением и тревожным ожиданием зол; в сущности она имеет смысл капитуляции. Она выражает боязнь насчет разделения конституционной партии на две части и объявляет, что масса публики уже потеряла симпатию к февральской конституции, которая до сих пор не дала никаких результатов и была не в силах превозмочь оппозицию обширной и важной части монархии. Затем являются выходы против «фанатиков шмерлинговой конституции», которые не только считают ее хорошим узаконением, «но смотрят на нее, как на догмат, вне которого уже нет спасения и который стоит выше всяких рассуждений. Окончательного приговора над партией этой журнал произнести не хочет; но он протестует против мании или предрассудков, или умственной слабости этой партии. Он признается, что сам принадлежит к другой части конституционной партии, к той именно, которая хотя и хвалит февральскую конституцию, но не может не видеть, как трудно установить ее, как опасно стараться ввести ее силой и, наконец, как легко все действия такого рода могут вызвать разрыв между различными частями монархии. Он полагает, что непростительно подвергаться всем этим рискам».

«Может быть (говорит «Presse»), и мы сами держимся этого мнения, что полное утверждение февральской конституции дало бы Австрии высшую степень благополучия, на какую она может рассчитывать. Но что значит получение «лучшего», когда для него нужно отказаться от «хорошего». Разве февральская конституция может быть введена в Венгрии иначе, как силой? Если бы конституция эта была издана три года тому назад, Венгрия, конечно, приняла бы ее с радостью. Но благоприятная минута была пропущена, и нам остается только ждать, пока она вернется».

Затем «Presse» настоятельно указывает на пересмотр конституции, как на самый практический исход из затруднительного положения, и поддержи-

вадет не раз уже высказанную мысль о свободных совещаниях между членами различных партий нижней палаты имперского совета и распущенного венгерского сейма. Журнал считает эту меру первым шагом к примирению противоречащих интересов и притязаний и полагает, что она приготовила бы основания для дальнейшего пересмотра конституции представителями всех частей монархии. Статья, очевидно, внушена убеждением, что теперешнюю оппозицию Венгрии не удастся превозмочь, что ни декреты, ни адреса, ни насильственные меры не установят там февральской конституции и что упорство в следовании шмерлинговой политике приведет империю к бедствиям.

Сегодня газета «Neuste Nachrichten», выражая свое удовольствие по случаю нового света, озарившего «Presse», сообщает слух (по ее мнению вероятный), будто назначены совещания между некоторыми депутатами имперского совета и предводителями венгерского движения. Говорят, будто бы Визер хлопотал об организации такого совещания в Пеште, и письмо отсюда утверждает, что в нем со стороны австрийцев примет участие Визер, Рехбауэр, Бринц и Гаснер, а со стороны венгров — Деак, Этвеш, Салай и еще одно лицо, до сих пор еще не названное. Я полагаю, что слух этот, по крайней мере, преждевременен. Письма, полученные мною из Пешта от вчерашнего числа, ничего не говорят о такого рода собрании».

Разумеется, эти слухи преждевременны, а быть может и навсегда останутся преждевременными. В господствующих кругах Вены до сих пор нет и, может быть, никогда не будет убеждения в необходимости изменить прежнюю систему, и для перемены политики, вероятно, понадобится какое-нибудь событие, более убедительное, чем говор публики, голос газет или брошюра Шузельки¹, бывшая одною из причин перемены тона венских газет. Шузелька — популярнейший человек у австрийских немцев. Разумеется, он не попал в венский имперский совет (из этого читатель может заключить, служат ли представителями австрийских немцев те почтенные лица, которые заседают в имперском совете и поддерживают политику Шмерлинга). По распусчении венгерского сейма и одобрении этой меры венским имперским сеймом Шузелька издал брошюру, в которой доказывает гибельность принципов Шмерлинга для немецкого элемента Австрийской империи. По его словам, стремиться к подчинению всех частей империи венскому министерству — значит вести дело вовсе не к тому, чтобы немецкая национальность взяла в империи перевес над всеми другими национальностями, а только к тому, чтобы исчезла немецкая национальность, подавленная смешением с славянскими национальностями, которые гораздо сильнее немецкой числом людей. Шузелька доказывает, что австрийские немцы для своей собственной целостности должны требовать прекращения системы, стесняющей венгров и славян. Нельзя рассчитывать на то, чтобы подобный взгляд немедленно достиг политического господства в Вене. Прежняя система, конечно, будет держаться до последней крайности. Но теперь мы, по крайней мере, видим, в каком духе произойдет раньше или позже развязка запутанных австрийских отношений. Дело решится тем, что австрийские немцы сами станут поддерживать требования венгров».

а венгры, повидимому, уже уладили свои отношения с кроатами. Аграмский сейм решительно отказывается поддерживать Шмерлинга против венгров. Члены его делают предположения о том, чтобы он требовал нового собрания венгерских депутатов. Большинство сейма находит эти предложения преждевременными, но, видимо, сочувствует им. Посмотрим, разовьется ли это настроение умов, обещающее хороший исход для национальных отношений в восточной части Австрийской империи.

В Америке сгладились неблагоприятные для северных штатов последствия булль-ронского дела. Сепаратисты, повидимому, совершенно отказались от мысли о наступательных действиях против Вашингтона. Тактика их состоит, кажется, в том, чтобы заманить федеральную армию к новому нападению на их укрепленные позиции по южному берегу Потомака. Новый главнокомандующий вашингтонской армии, Мак-Клеелланд, думает действовать иначе. Союзная армия, защищающая Вашингтон, вероятно, будет оставаться в своих позициях до тех пор, пока произведут свой результат диверсии, приготовляемые другими отрядами союзных войск. Первая из этих диверсий произведена отрядом генерала Боглера, занимающего форт Монро, на крайнем левом фланге оборонительной линии союзных войск: около четырех тысяч войска отправилось морем из форта Монро на юг, к фортам Гаттерас и Кларк, на побережье Северной Каролины. Когда союзные войска приблизились к этим фортам, один из них (форт Кларк) был тотчас же покинут сепаратистами, а другой, более сильный, сдался на безусловную капитуляцию после недолгого сопротивления. Успех этот превзошел первоначальные расчеты союзного правительства: оно думало только разрушить форты, но увидело возможность утвердиться в них. Чтобы понять значение этого факта, надобно познакомиться с характером побережья южных штатов.

По всему берегу Атлантического океана и Мексиканского залива, от северной границы Виргинии до границы Мексиканской республики, материк Северной Америки отделяется от моря почти непрерывною цепью очень длинных и узких низменных островов. Цепь эта, в иных местах подходящая довольно близко к материку, в других отдаляющаяся от него на несколько десятков верст, разорвана лишь очень немногими проливами, из которых не больше пяти или шести удобны для прохода судов, да и то довольно мелких. Таким образом, тянется по всему берегу отделившихся штатов как будто бы канал, защищенный от идущих с моря военных кораблей полосой земли. Канал этот служил убежищем для крейсеров, снаряженных южными штатами. Форты Гаттерас и Кларк господствуют над самым северным из немногих проливов, через которые выходили крейсера в открытое море. Овладев этими фортами, союзное правительство приобрело господство над всею частью канала по берегу Северной

Каролины и половиною берега Южной Каролины. Южные крейсера в этих местах не могут теперь держаться. А тут находятся обе бухты, из которых выходила большая часть их: Арбемарльский залив и Пимликский залив. Таким образом, теперь южные крейсера могут наносить северной торговле уже гораздо менее вреда, нежели прежде. Сверх того, Северная Каролина должна теперь опасаться высадок на своем берегу, который весь открылся для нападений северных войск. Она принуждена будет отвзывать часть своих полков с берегов Потомака на защиту собственного побережья. Экспедиция против фортов Кларка и Гаттераса была только первым опытом подобных действий. В Бостоне, в Нью-Йорке и в Чизапикской бухте снаряжаются теперь другие экспедиции для овладения другими проливами южного побережья. Надобно полагать, что вашингтонское правительство хочет прежде всего отвлечь на защиту южных берегов большую часть инсургентов, сосредоточившихся теперь около Вашингтона*. Когда их армия будет ослаблена этим, то, по всей вероятности, она без боя отступит от Потомака далее на юг, к Ричмонду. Мак-Клелланд так уверен теперь в успехе, что обещает покончить войну к весне.

Можно не разделять такой надежды. Число войск у сепаратистов очень велико: в одной главной армии их, стоящей под Вашингтоном, полагают от 150 до 200 тысяч солдат. Кроме того, они имеют несколько десятков тысяч в Кентукки и Миссури, не считая резервов, остающихся на юге. Можно считать, что сила инсургентов простирается до 300 тысяч. Содержание такого войска, конечно, очень обременительно для страны, имеющей менее десяти миллионов жителей, — страны, часть которой в мирное время получала значительную часть своего продовольствия из свободных штатов. Но энергия господствующей на Юге партии так велика, что, несмотря на недостаток денег и продовольствия, она, вероятно, нашла бы средства продолжать войну гораздо более одной кампании.

На этом северные аболиционисты основывают все свои надежды. Мы видим, что война между северными и южными штатами идет совершенно тем же порядком, каким двести лет тому назад шла война между Карлом I и пуританами. Вначале военные действия и тогда были очень нерешительны, потому что политическими действиями парламентской партии руководили и войсками парламента начальствовали умеренные люди, опасавшиеся крайних мер. Но постепенно выступали на первый план люди более решительного образа мыслей; в самой армии они получили, наконец, перевес, и тогда противники были уничтожены очень легко. Так и теперь в Северной Америке свободные штаты

* Последние телеграфические депеши говорят, что сепаратисты начали отступление от Вашингтона к Ричмонду и что их позиции на Потомаке без боя заняты северными войсками

начали войну под управлением людей умеренных. Линкольн, Сьюард, главнокомандующий северными войсками Скотт отклоняли всякую мысль об освобождении невольников, то есть о коренном вопросе борьбы, а регулярная армия союзного правительства состояла из людей, гораздо более сочувствующих сепаратистам, чем своему правительству. Офицеры этой армии почти все были уроженцы невольничьих штатов. При начале войны большая часть их перешла на сторону инсургентов, и благодаря их опытности южные войска организовались гораздо быстрее северных, обучением которых пришлось заниматься большею частью людям новым, едва начинавшим знакомиться с военным делом. Да и те прежние офицеры, которые остались верны союзному правительству, служат ему без большого усердия. Чтобы наши слова не показались преувеличенными; приведем отрывок из нью-йоркской корреспонденции «Times'a»:

«Корпус офицеров регулярной армии, как бы он там ни любил Союз, вовсе, однако, не любит настоящего правительства. Напротив, он даже чувствует отвращение к большей части членов кабинета и презирает их принципы. Мудрено людям сражаться мужественно за какое-нибудь дело, когда они презирают тех, кто распоряжается этим делом. На днях я говорил с одним офицером, стоявшим впереди своей палатки, у которой собралось еще шесть человек офицеров. Когда разговор коснулся прокламации генерала Фримонта, собеседник мой сказал: «если это должна быть война против невольничества, я подаю в отставку». Один только из окружающих не присоединился к нему и не сказал: «и я тоже». Впоследствии я узнал, что офицеры эти уроженцы Мериланда, Делавара, Виргинии. Мне было также сказано, что все они вотировали против Линкольна. Противников невольничества они не считают порядочными людьми. Но довольно странно, что люди, посвятившие себя торговле табаком, сахаром или рисом, приходят в негодование при мысли, что ими будут управлять публицисты, вышедшие из низших слоев общества. В монархии такое крайнее отвращение объясняется; но здесь оно уж кажется вовсе неуместным. Как бы то ни было однакож, различные классы общества разделены в южных штатах резкими, глубоко вкорененными чертами. Закон не определяет этих различий, они чисто условны; но тем не менее их строго охраняют. Все люди равны, конечно, но из этого вовсе не следует, чтобы человек, торгующий табаком из-за прилавка, был равен человеку, который продает табак, выращенный на собственных полях. Север заражен лавочным запахом. Нежась среди широких и доходных полей своих, возделываемых неграми, Юг отвращает свой утонченный нос от запаха барышей, хотя и равнодушен к сущности этой неблагоприятной вещи».

Натурально, что при таком характере офицеров военные операции союзных войск велись до сих пор вяло. Но мы видим, что северный населением овладевает раздражение, неминуемо развешаемое самым продолжением войны. Массы прислушиваются к словам аболиционистов, говорящих, что вражда Юга к Северу прекратится только уничтожением невольничества. Это направление заметным образом уже проникало в конгресс во время прошлой сессии. Палата представителей, повинувшись усиливающемуся голосу народа, заставила президента подписать акт, постановлявший, что должны быть освобождены те захваченные в плен

невольники, которые были употреблены своими владельцами на какие-нибудь военные работы, — например, на возведение окопов, на службу в обозе и так далее. При своей чрезвычайной умеренности Линкольн с трудом согласился на этот акт, казавшийся ему слишком сильным. Но теперь, через два месяца, уже возникают попытки итти гораздо дальше. Особенного шума в этом смысле наделал приказ генерала Фримонта, командующего союзными войсками в штате Миссури. Он объявил, что будет освобождать всех невольников, владельцы которых действуют против вашингтонского правительства. Линкольн, Сьюард и другие умеренные вашингтонские правители испугались такого решительного шага, и президент послал Фримонту «совет» взять назад эту прокламацию. Фримонт отвечал, что «он предпочитает советам формальные приказания», и Линкольн принужден был дать Фримонту официальный приказ остановить распространение изданной им прокламации. Таким образом, этот первый шаг был нерешителен, но нет сомнения, что если война не будет кончена весьма скоро, то освобождение невольников явится необходимым ее результатом.